

НИКОГДА!

Площадь Красного Льва. Мрачное здание Конуэй-холла. На сцене, увитой лавром, стоит высокая девушка-гречанка в черном строгом платье с белым отложным воротничком. Одна рука прижата к груди, другой она как бы отстраняется от микрофона.

Девушка поет, и песня дарует жизнь смуглому мрамору ее лица, словно незримый резец великих ваятелей Эллады, обесмертивших человеческую красоту и благородство. Девушка поет удивительную песню. Слова ее печальные, а музыка грустная. В словах — тоска, а в музыке — надежда. В словах — скорбь узника, а в музыке — поступь борца. Называется эта песня «Никогда». Написал ее выдающийся греческий композитор и патриот Микис Теодоракис. Писалась она не за фортепиано в гостиной с мягкими коврами при еще более мягком свете свечей, а в застенках греческой охранки — тюрьме Бубулинас. Писалась она не по заказу музыкальных издателей, а под сенью указа № 509, предусматривающего смертную казнь за верность и любовь к родине и свободе.

Через несколько дней — 15 ноября Теодоракис предстанет перед своими судьями-палачами. Песня, которую исполняет девушка, написана 22 октября. Но звучит она не как защитительная речь, а как страстное обвинение. Песня чудом вырвалась на свободу. У Микиса оказались почитатели даже среди надзирателей тюрьмы Бубулинас. Ноты и текст песни были переправлены в Англию и опубликованы в газете «Гардиан».

В Париже газета попала на глаза ансамблю Теодоракиса, который, находясь в вынужденном изгнании, кочует сейчас по Европе. Композитор просил, чтобы песню впервые исполнила его любимая воспитанница Мария Фарантури. С большим трудом расшифровали музыканты нотные знаки, рассыпанные лесенками между линейек. Они связались с английским «Комитетом 100» и «Комитетом против диктатуры в Греции» и договорились о концерте в Конуэй-холле в четверг, 2 ноября.

Зал набит до отказа. Сюда пришла почти вся греческая община Лондона, по крайней мере вся молодежь. У входа раздают листовки в связи с предстоящим митингом в Гайд-парке и демонстрацией перед зданием греческого посольства. Демонстранты будут нести чучело палача Паттакоса. После шествия его приволят в Конуэй-холл, заставят «слушать» песни Теодоракиса, заперенные Паттакосом в Греции. Затем чучело публично сожгут.

НА СЦЕНЕ, увитой лавром, поет высокая девушка в черном. Она поет о том, как в камерах, оживших от дыхания узников, бьют патриотов, пытаются ее далекую подругу по имени Таня. Она поет о солнце, которому стыдно всходить над землей Греции, ибо у подножия Акрополя расхлесталась колючая проволока.

— Никогда, никогда, никогда! — поет юная Мария — смуглый мрамор, оживший под резцом Праксителя. И на сцене происходит чудо. Слова и музыка, упорно тянувшиеся вверх по ступенчатым гексаметрам клавиатуры, наполняются новым смыслом и звучанием.

— Никогда Греция не станет на колени перед фашизмом!

— Никогда не завянут знамя Глезоса над Акрополем, гвоздика Белояниса и песня Теодоракиса!

Чудо происходит и в огромном зрительном зале. Люди начинают топать и хлопать в такт песне. Вокруг меня заплаканные очи прекрасных греческих девушек и горящие огнем мщения глаза прекрасных греческих юношей. Могучий хор нарастает из темной глубины зала, а в его грозном клекотании, в его стихийной полифонии каноническая тема неотвратимого рока сменяется темой негасимой надежды.

Я чувствую, что чудо свершается и в моем существе. Хотя у меня на руках программа концерта с текстом песни на английском языке, мне начинает казаться, что Мария, девушка в черном платье, в обрамлении из зеленого лавра, забыв о песне, беседует с Теодоракисом сквозь прутья тюремной решетки и протягивает ему на ладони горсть греческой земли, чтобы он мог коснуться ее подобно Антею.

— Рано или поздно, — говорит Мария Микису, — заря свободы вновь займется над Элладой, осветит Акрополь и испепелит концлагеря. Она встретит у входа в рухнувшие темницы своего верного трубадура. И протянет ему лиру радости. О Микис, ты вновь развешьшь многоцветные знамена земли, будешь упиваться всеми ее запахами. А песня твоя пересечет все моря и прикоснется ко всем человеческим сердцам!

В ПЕРЕРЫВЕ я иду за кулисы. Меня знакомят с Марией. Чтобы закрыть заплаканные глаза, она надела темные очки. Мария извиняется, что поет сегодня из рук вон плохо, волнуется, теряет контроль над собой.

— Эта песня так много значит для меня, — говорит она. — Ведь я обязана Теодоракису своим вторым рождением. Оркестр был создан им в 1960 году. Я вступила в него в 1963-м шестнадцатилетней девушкой. Теодоракис заметил меня в школьном хоре, и с тех пор я всегда была первой исполнительницей его песен. В последний раз мы виделись с ним вечером 20 апреля, как раз накануне фашистского путча. У нас была обычная репетиция. А уже на следующее утро Теодоракис ушел в подполье.

К нам подходит руководитель оркестра Янис Дудилис. Я спрашиваю его, не представляет ли их концертная деятельность угрозу семьям музыкантов, оставшимся в Греции.

— Конечно, хунта держит их в качестве заложников.

— И тем не менее вы продолжаете ваше концертное турне?

— Да, мы собираемся посетить Соединенные Штаты Америки, Канаду, Западную Германию, облетим все социалистические страны, включая Советский Союз. Кстати, я уже бывал у вас на родине вместе с Теодоракисом. Своими песнями мы будем рассказывать правду о Греции, а вырученные деньги пойдут в фонд борьбы за освобождение Греции, в помощь жертвам террора и их семьям.

Вот как выглядит иногда героизм. Как бывает он иногда незаметным или обычным для взгляда непосвященного. Сидят на сцене несколько музыкантов в приличествующих для подобных случаев черных костюмах и белых сорочках, чисто выбритые и тщательно причесанные. Один играет на рояле, другой на гитаре, остальные на бузуки — греческом национальном инструменте, напоминающем мандолину. Но каждый

раз, прикасаясь к клавишам или струнам, они знают, что тем самым приближают минуту расправы над своими родителями или детьми. Музыка для них не просто искусство. Она стала для них пыткой и испытанием. Вот почему так плачет в их руках обычно веселая бузуки. Вот почему так хочется встать и поклониться им в пояс.

Перед началом второго отделения концерта ведущий объявляет, что только что получена весть: Теодоракис объявил в тюрьме голодовку. И без того назлектризованный зал взрывается. Гул аплодисментов. Гневные слова в адрес палачей.

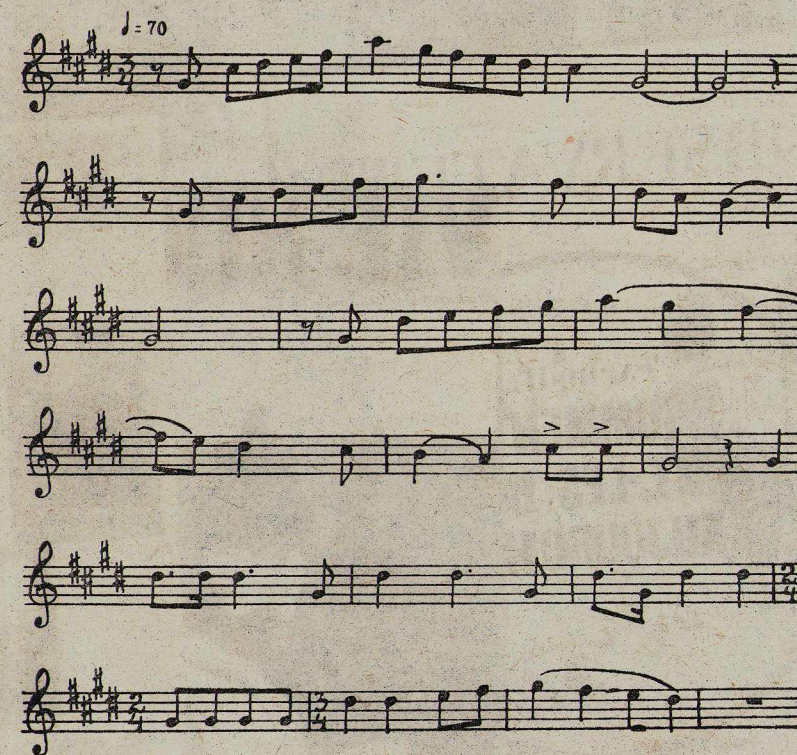
Ведущий подносит вплотную к микрофону портативный магнитофон и нажимает на рычажок. Раздается голос Теодоракиса, поющего песню «Я одинок». Нет, ты не одинок, Микис! У тебя миллионы верных друзей и в Греции, и за ее пределами. Все борцы за свободу против фашизма — твои друзья.

Я ГЛЯЖУ НА МАРИЮ ФАРАНТУРИ, на ее распущенные черные волосы и вспоминаю плакальщицу из моих далеких и родных грузинских деревень. Они плачут и причитают, плачут и причитают, постепенно умолкая и скаменея в горе. А затем приходит искусство и высекает из этих камней Печаль, Скорбь и... Надежду.

Люди никогда не жили без надежды, никогда!

ЛОНДОН. (По телефону от соб. корр. «Известий»).

Как уже сообщалось, английская газета «Гардиан» опубликовала текст и ноты новой песни М. ТЕОДОРАКИСА. К сожалению, качество полученной редакцией из Лондона фотокопии нот не позволило нам воспроизвести их полностью. Мы публикуем лишь фрагменты из нотной записи, напечатанной в газете «Гардиан», а также перевод текста песни.

Я уже никогда
Не смогу развернуть
Красный стяг, стяг зеленый,
Желтый, синий, лиловый,
лазурный...

Я уже никогда
Не сумею вдохнуть
Запах красный, зеленый,
Желтый, синий, лиловый
лазурный...

И никто никогда
Не услышит меня,
Я уже не смогу
Пересечь все моря...
Никогда, никогда
Не поднять мне, как знамя,
Как любимое знамя
Тебя, моя Таня!

И когда ты кричишь,
Мне не слышно сквозь стены.
Ты под пыткой молишь,
И не видно сквозь стены

День сентябрьский,
шестнадцатый
День созиданья.
На четвертом пролете тюремного
зданья

Есть застенок. В нем спит
Твоя мама
Елена.
Сны ее, словно музыка,
Эти сны твоей матери
Видят, слышат все узники...
И Пипино ди Капри
С другой стороны

Адриатики,
Не мешай этим снам.
Дышат камеры,
Дышат верхние камеры,
Дышат нижние камеры.
Солнцу стыдно и горько,
А дождя не стесняется
Нико, Йорко.
Я помню цветок Белояниса.
Перевел В. Корнилов.